

**И.И. Павлов**

## **РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ОПТИКЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ\***

**Павлов Илья Ильич** – кандидат философских наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: elijahpavloff@yandex.ru

В статье обсуждается методология исследования русской религиозной философии в условиях описанного В.В. Сидориным языкового и корпоративного разрыва между историей русской мысли и современной философией. Отталкиваясь от рефлексии зарубежных исследователей о российской историографии русской философии, Сидорин в то же время подчеркивает, что исследовательская дистанция историка мысли от объекта изучения не подразумевает крайности исключительно негативной оценки отечественной философской традиции, включая ее религиозную часть. Анализ русской религиозной философии, учитывающий замечания Сидорина, может осуществляться в теоретической рамке интеллектуальной истории Кембриджской школы, предполагающей прочтение текстов как действий на основе следующих принципов: реконструкция полемических контекстов и намерений автора (К. Скиннер); отход от дисциплинарных оценок (Р. Рорти), презентизма (С. Хаттон) и практик написания истории философии как истории систем (Л. Катана); внимание к личности философов и практикуемым ими мышлению и способу жить (И. Хантер, О. Власова); учет семантической подвижности и полемического переопределения понятий (Г. Люббе). При этом методология, исходящая из философии языка позднего Витгенштейна, будет отличаться от нормативно-дисциплинарного подхода Н.С. Плотникова, основанного на немецкой истории понятий, критикуемой Скиннером. Что же касается секуляризации как значимого полемического контекста русской религиозной философии, то в оптике интеллектуальной истории он будет рассматриваться – возможность чего показывают теория секуляризации Ч. Тейлора и исследования русской философии в работах К.М. Антонова – без устранения «субъективного» уровня мышления и смыслов, реконструируемых через внимание к авторским намерениям и множественности полемических ситуаций.

**Ключевые слова:** русская религиозная философия, интеллектуальная история, история понятий, Кембриджская школа, К. Скиннер, секуляризация, корпоративный разрыв

**Для цитирования:** Павлов И.И. Русская религиозная философия в оптике интеллектуальной истории // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 1. С. 39–52.

---

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

Проблема методологии историко-философского исследования носит далеко не только технический характер: от того, какие подходы применяет исследователь, во многом зависят и концептуальные выводы его работы. В случае изучения русской религиозной философии эта взаимосвязь становится особенно наглядной.

Преобладающие нарративы о русской религиозной философии сложились уже в хрестоматийных исследованиях. Так, В.В. Зеньковский именно религиозную метафизику считал наиболее значимым достижением русской философии, в то время как Г.Г. Шпет и Г.В. Флоровский оценивали русскую религиозную философию негативно, хотя и с различных позиций – секулярной западной философии и православного богословия соответственно<sup>1</sup>. Позднейшие исследования подчас воспроизводили эти оценки: к линии Шпета можно отнести критику русской философии у Н.С. Плотникова, построенную на ее противопоставлении западной мысли, а к линии Флоровского – проект С.С. Хоружего<sup>2</sup>. Однако наиболее распространенным стал строящийся вокруг канонических фигур, понятий, проблем и оценок нарратив в духе Зеньковского, некритически воспроизводящийся, по замечанию А. ДеБласио, в целом ряде текстов по истории русской философии<sup>3</sup>, причиной чего можно – вслед за Плотниковым – назвать недостаточную проработанность такой методологии, которая позволила бы историку мысли занять исследовательскую дистанцию по отношению к идеям и языку самоописания русской религиозной философии как объекту академического изучения<sup>4</sup>.

Разделяя предложенную Плотниковым и ДеБласио критику сведения исследования русской философии к некритичному воспроизводству традиционного апологетического нарратива, В.В. Сидорин в то же время дистанцируется и от исключительно негативной оценки русской религиозной мысли, подчеркивая, что эта крайность оказывается зачастую обусловлена, как и апологетический подход, политическими предпочтениями исследователя<sup>5</sup>. Подобная поляризация во многом вытекает из описанного Сидориным языкового и корпоративного разрыва между историками отечественной философии и специалистами по актуальной, «собственно философской» проблематике, – разрыва, связанного в том числе с отличием языка самоописания

<sup>1</sup> Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков; М., 2001; Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Т. I. М., 2008; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937.

<sup>2</sup> Плотников Н.С. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. С. 98–104; Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.

<sup>3</sup> DeBlasio A. The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century. New York, 2014. P. 63–97.

<sup>4</sup> Ср.: Плотников Н.С. Язык русской философской традиции. «История понятий» как форма исторической и философской рефлексии // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 77–80.

<sup>5</sup> Сидорин говорит не конкретно о русской религиозной философии, а об отечественной философии в целом, однако тема религии в его замечаниях присутствует: так, исследователь предлагает не переходить от религиозного нарратива к его противоположности, а увидеть в столкновении религиозного и секулярного перспективы для продуктивного синтеза (Сидорин В.В. Отечественная историография русской философии на рубеже веков: проблемы и перспективы. Размышления о книге Алиссы ДеБласио «The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century» // История философии / History of Philosophy. 2016. Т. 21. № 1. С. 165–166).

русской мысли первой половины XX в., принадлежащего своей эпохе, от языка современной философии<sup>6</sup>. Так, Сидорин ставит задачу поиска такой исследовательской оптики, которая, учитывая замечания Плотникова и ДеБласио, в то же время не сводила бы аналитическую работу к воспроизводству предпосланной логике исследования корпоративной позиции.

В статье я намерен показать, что последовательно решить данную задачу позволяет методология интеллектуальной истории Кембриджской школы и ряд родственных ей подходов. Для этого я обрисую общие принципы применения названной методологии к истории русской религиозной философии, после чего на основе сформулированных принципов рассмотрю, каким образом полемический контекст секуляризации может привлекаться в рамках историко-философского изучения наследия русских религиозных мыслителей, включая его теоретический аспект.

## 1. Методологические принципы

Принципиальные положения Кембриджской школы интеллектуальной истории были введены К. Скиннером в хрестоматийной статье «Значение и понимание в истории идей», где он, ориентируясь на прочтение текстов как действий – что восходит к философии языка позднего Л. Витгенштейна и теории речевых актов Дж. Остина, – говорил о значении понимания контекста и авторского намерения для воссоздания смысла текста. Такой подход Скиннер противопоставлял как разного рода анахронизмам, свойственным в том числе мифу системности (Скиннер подчеркивал, что эти анахронизмы зачастую продиктованы вписыванием авторов прошлого в ту или иную современную научную дисциплину), так и тем версиям контекстуализации, которые элиминируют уровень авторских намерений<sup>7</sup>, в связи с чем контекстуальный подход Скиннера отличается от социологизма<sup>8</sup> и постмодернистских теорий, предполагающих принцип смерти автора<sup>9</sup>. Отказ от отнесения мыслителей прошлого к конкретной дисциплине развивал Р. Рорти<sup>10</sup>; заметим, что в случае подобного отказа вопрос о том, в каком смысле тот или иной феномен интеллектуальной истории является философией, требует

<sup>6</sup> Сидорин В.В. К преодолению разрывов: отечественное философское наследие в современном контексте // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–40.

<sup>7</sup> Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 53–122.

<sup>8</sup> Ср. идеи «Значения и понимания» с критикой социологизма в классической статье Х. Уайта: White H.V. The Tasks of Intellectual History // The Monist. 1969. Vol. 53. No. 4. P. 617, 626. Близкой к программе Кембриджской школы оказывается и идея философской культуры Э. ван дер Зверде, рассматривающего внешние условия философии без характерного для социологизма устранения внутреннего измерения философского мышления (Zweerde E. van der. On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture // Transcultural Studies. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 63–92).

<sup>9</sup> Ср.: Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 308–326; Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М., 2023. С. 57–61; Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Языковой реализм и два вида интеллектуальной истории // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 281–301.

<sup>10</sup> Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 192–196.

исторического объяснения, а не решается исходя из наших современных нормативных представлений.

Хотя сами представители Кембриджской школы работали преимущественно с историей политической мысли, в современной исследовательской литературе мы встречаем рефлексию о применении метода Скиннера к истории философии в целом, включая и теоретическую философию. Так, С. Хаттон говорит об этом применении как альтернативе презентизму, позволяющей истории философии стать диалогом между прошлым и настоящим, где оба голоса оказываются услышаны<sup>11</sup>; И. Хантер и О. Власова сближают идеи Скиннера с таковыми позднего Фуко, предлагая сделать предметом историко-философского изучения личность философа, практикующего те или иные способы мышления<sup>12</sup>; Л. Катана, отталкиваясь от замечаний Скиннера, критически оценивает восходящую к И.Я. Брукеру идею истории философии как истории систем<sup>13</sup>.

Для применения интеллектуально-исторического подхода к истории философии также важны идеи Г. Люббе, который хотя формально и относился к немецкой истории понятий, однако в действительности стоял на общей со Скиннером, а не с Р. Козеллеком, философской почве, отталкиваясь от трактовки поздним Витгенштейном значения как употребления<sup>14</sup>. Критикуя подмену автономии теоретического разума ангажированностью той или иной позицией в идейной борьбе, Люббе для демонстрации того, каким образом сами употребляемые интеллектуалами понятия могут навязывать эту ангажированность<sup>15</sup>, рассматривал понятия как объект политической борьбы за именование<sup>16</sup>. Трактовка понятий как семантически подвижных позволяет, к слову, лучше понять специфику интеллектуально-исторической работы с «дисциплинарными границами» в прошлом: применение подхода Люббе к философским, богословским и другим понятиям, употребляемым в русской религиозной философии, а в конечном счете – и к самим понятиям «философия», «религиозная философия» и «богословие», предполагает анализ того, что делали интеллектуалы, так или иначе используя эти понятия и либо переопределяя их, либо поддерживая конвенциональное для своего контекста употребление.

<sup>11</sup> Hutton S. Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. No. 7. P. 925–937. О презентизме в контексте кембриджского подхода также см.: Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Языковой реализм и два вида интеллектуальной истории. С. 293–294.

<sup>12</sup> Hunter I. The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher // Modern Intellectual History. 2007. No. 4. P. 571–600; Власова О.А. Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 105–114.

<sup>13</sup> Catana L. The Historiographical Concept «System of Philosophy»: Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy. Leiden, 2008.

<sup>14</sup> Люббе ссылаясь на «Философские исследования» и утверждал, что ««дефиницию», которую можно дать “значению” специального философского слова, в общем случае можно рассматривать как результат истории его употребления» (Цит. по: Куренной В.А. История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 219). Ср.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 99.

<sup>15</sup> Куренной В.А. История философской истории понятий. С. 222–225.

<sup>16</sup> Люббе Г. Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 240–256.

Ориентированный на идеи Скиннера подход оказывается во многом отличным от той версии немецкой истории понятий, из которой исходит Плотников, и предполагает другую оптику в отношении русской религиозной философии. Следует вспомнить, что, опираясь на позднего Витгенштейна, Скиннер критиковал своих немецких коллег и настаивал на необходимости говорить не об истории понятий, а об истории употребления понятий<sup>17</sup>. Собственно, именно в нормативном, а не дескриптивном подходе к семантике философских понятий можно видеть корни дисциплинарной оптики Плотникова, применяющего историю понятий к русской религиозной философии для критики последней как не соответствующей определенным представлениям о должном состоянии философии и ее понятийного языка<sup>18</sup>.

При этом кембриджской методологии крайне близко обращение Плотникова к рассмотрению истории русской философии как истории дискуссий<sup>19</sup>, что представляет альтернативу традиционному подходу в духе истории систем, который мы обнаруживаем у Зеньковского. Скиннеровская критика «мифа системности» действительно предполагает отход от предпочтения метафизических систем и высоких философских трактатов ситуативным дискуссиям, в том числе публицистике. Следует, однако, отметить, что в оптике Скиннера не только «собственно дискуссии», но все речевые акты оказываются связаны с полемическими контекстами, что позволяет не отрывать внимание к дискуссиям от анализа метафизических трактатов, которые также могут быть рассмотрены как реплики в полемике. При этом важно не забывать, что дискуссии в истории русской философии могли быть не только общественно-политическими, религиозными и т.д., но и специально-философскими.

Внимание к дискуссиям предполагает также отказ от рассмотрения изолированных авторских философий в духе доксографических<sup>20</sup> описаний «философии Владимира Соловьева» или «философии Николая Бердяева». Речь не о том, чтобы игнорировать автора и его намерения, но о понимании намерений через полемический контекст, в котором участвовал автор. Не исключает подобный подход и уровень субъекта, уровень практик себя, то есть рассмотрения того, каким образом русские религиозные философы позиционировали себя относительно существующих в их время способов

---

<sup>17</sup> Скиннер К. Ответ моим критикам. С. 294. Также см.: Рихтер М. Покок, Скиннер и Vergriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 363–366. Помимо идеи значения как употребления Скиннер опирался на сопоставление Витгенштейном слов с инструментами (*Витгенштейн Л.* Философские исследования. С. 84–85).

<sup>18</sup> См.: Плотников Н.С. Язык русской философской традиции. С. 84–88.

<sup>19</sup> Плотников Н.С. Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории (введение) // Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология. М., 2020. С. 21–26. В этой статье Плотников критикует Кембриджскую школу, замечая, в частности, что «вызывает возражения тезис о тождестве значения понятия с авторской интенцией, на котором настаивает Скиннер» (Там же. С. 15). Однако Скиннер открыто говорил о несводимости значения к авторской интенции (*Скиннер К.* Ответ моим критикам. С. 308). В целом понятие топосов аргументации, развиваемое здесь Плотниковым, куда ближе к плюрализму и дескриптивизму кембриджской оптики, чем нормативно-дисциплинарная критика русской философии в его более ранних статьях.

<sup>20</sup> О жанре доксографии см.: Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. С. 188–192.

жить и какие альтернативы разрабатывали. В рамках же методологии Плотникова данный аспект сознательно элиминируется<sup>21</sup>.

Так, предлагаемый подход оказывается скорее близок позиции Сидорина, – чья оценка сложившейся в дискуссиях о русской философии ситуации, к слову, весьма напоминает замечание Люббе о замене автономии разума партийной принадлежностью, распространенной не только в политической борьбе в узком смысле, но и в духовной сфере. Стратегию Люббе, вскрывающего политическую борьбу за содержание понятий и семантическую подвижность последних, и реализует, по сути, Сидорин, когда показывает, что восприятие таких понятий, как «русская идея» и «соборность», в качестве самоочевидных делит интеллектуалов на находящиеся по две стороны идейного фронта. Альтернативу Сидорин видит в деполитизированном изучении происхождения, употребления и обсуждения подобных понятий в истории русской мысли, демонстрирующем их проблематичность<sup>22</sup>.

В то же время следующее кембриджской методологии интеллектуально-историческое исследование не требует своего противопоставления ни характерному для русской философской традиции «эпистемологическому стилю», ни российским контекстуальным подходам, ориентированным на герменевтическую чувствительность к нему<sup>23</sup>, – что также близко взгляду Сидорина. Здесь можно вспомнить, что хотя сам Скиннер дистанцировался от герменевтики, при чтении его пассажей о последней<sup>24</sup> становится ясно, что он имел в виду постмодернистское прочтение Х.-Г. Гадамера, не сковывающее свободу интерпретации строгостью метода и принципом исторической достоверности. Однако существуют и версии герменевтики, формулирующие последовательную методологическую программу, – например, подход Э. Бетти<sup>25</sup>. Исходя из этого, различие между актом понимания, описываемым герменевтикой, и методологией кембриджской школы можно мыслить как таковое между контекстом открытия и контекстом обоснования<sup>26</sup>: то понимание контекста и намерения, о котором говорит Скиннер, действительно может осуществляться в герменевтическом акте исследователя, за которым, однако, должна следовать презентация результатов этого акта академическому сообществу и общезначимая научная аргументация, не сводящаяся к ссылкам на приватный опыт понимания, – что особенно важно для историка русской философии в описанной Сидориным ситуации. Для задач академической дискуссии между сторонниками

<sup>21</sup> Ср.: «...личность философа предстает в перспективе истории понятий как понятийно-аргументативная конструкция, вовлеченная в силовые линии философского рассуждения помимо индивидуальных интенций автора» (Плотников Н.С. Язык русской философской традиции. С. 80). Характерную для русской философской традиции связь философии с практическим уровнем Плотников оценивает негативно (Там же. С. 86). Однако для интеллектуальной истории, учитывающей оговоренное выше сближение идей Скиннера с философией позднего Фуко, этот аспект – обнаруживаемый, к слову, далеко не только в истории русской мысли – не составляет проблемы.

<sup>22</sup> Сидорин В.В. К преодолению разрывов. С. 36–37.

<sup>23</sup> См.: Павлов И.И. Эпистолярный архив Н.А. Бердяева: личность философа в интеллектуальной истории (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 137–147.

<sup>24</sup> Скиннер К. Ответ моим критикам. С. 258, 312–313, 322–325, 334.

<sup>25</sup> Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011. За это указание я благодарен Д.С. Моисееву.

<sup>26</sup> См.: Столярова О.Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 75–78.

разных интерпретаций метод, основанный на аргументах аналитической философии языка, представляется более желательным, чем континентальные подходы.

## 2. Секуляризация: от контекста к контекстам

При следовании принципам интеллектуальной истории в исследовании русской религиозной философии в качестве одного из наиболее значимых полемических контекстов следует выделить контекст секуляризации, предполагающий как полемику религиозных мыслителей с секулярными идеями и тенденциями, так и влияние секуляризации на саму русскую религиозную философию в ее отличии, подчас эксплицитном и полемически заостренном, от традиционного богословия<sup>27</sup>. Внимание к этому контексту позволяет также рассматривать русскую религиозную философию в качестве специфического феномена, прочитывая утверждения русских религиозных мыслителей о сущностной религиозности русской философии вообще<sup>28</sup> как тактический ход в полемике с секулярными направлениями философии, налицо присутствующими в отечественной философской традиции<sup>29</sup>.

При этом, как уже было сказано, кембриджский метод предполагает соединение контекстуализации с вниманием к авторским намерениям и теоретическому содержанию дискуссий без их растворения в исключительно внешних социальных контекстах; также он требует в первую очередь исходить из ситуативных контекстов тех полемик, в которых мыслители прошлого действительно участвовали, а не из глобального контекста секуляризации в целом. Каким образом в этом случае контекстуальный анализ может быть связан с рассмотрением философских концепций, в частности, онтологических моделей, разрабатываемых русскими религиозными философами? Простая констатация, что русская религиозная философия была полемически направлена против секуляризации, недостаточна и представляет собой не тот тип контекстуализации, о котором говорил Скиннер. При обращении к авторским намерениям мы видим, что к общественным контекстам русская религиозная философия все же не сводилась: хотя иногда русские религиозные философы действительно ставили перед собой политические цели, для многих из них не менее значимым было обращение к специально-философским проблемам и полемика вокруг них из автономного теоретического интереса<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. Ч. 1. М., 2020. С. 11–78; Он же. Актуализация через деструкцию: традиция и новизна в русской религиозной философии XIX–XX веков // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 8–33. Отмечал значение контекста секуляризации для русской философии уже Зеньковский (ср.: Зеньковский В.В. История русской философии. С. 46–49, 456–458, 886 и др.).

<sup>28</sup> Пример такого утверждения см.: Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 209–236. В более мягкой форме его можно увидеть и в оценках Зеньковского.

<sup>29</sup> Ср.: Камнев В.М., Камнева Л.С. Религиозное и секулярное в русской философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1 (32). С. 13–20.

<sup>30</sup> Павлов И.И. Эпистолярный архив Н.А. Бердяева. С. 140–142.

Тем не менее рассмотрение секуляризации как социального феномена может осуществляться без элиминации «субъективного» смысла, включая его теоретический уровень. Пример такого комплексного анализа мы встречаем в теории секуляризации Ч. Тейлора, в этом плане наследующего понимающей социологии М. Вебера. Исследуя исторические корни секуляризации, Тейлор связывает их с изменениями в понимании субъекта и мира, которые, будучи разработаны в богословии, философии и науке, в конечном счете привели к возникновению и широкому распространению мировоззренческих альтернатив религии, вследствие чего изменились сами условия веры и неверия. Новое понимание субъекта и мира, предполагаемое секуляризацией, Тейлор тематизирует как «имманентную рамку»<sup>31</sup>. Так, подход Тейлора демонстрирует возможность анализировать взаимосвязь: 1) внешних философии и мышлению контекстов, 2) предполагаемого религиозными и секулярными мировоззрениями понимания мира и субъекта (что позволяет включить в рассмотрение проблематику теоретической философии) и 3) «субъективной» структуры веры в новых условиях, когда последняя стала одной из мировоззренческих альтернатив наряду с другими. Ряд же философских и методологических проблем, обнаруживаемых в концепции Тейлора, может быть устранен переходом от идеи единой имманентной рамки к множеству имманентных логик, предполагающих различные понимания мира и субъекта<sup>32</sup>; такой переход требует рассмотрения не только единого контекста секуляризации в целом, но и в первую очередь множества связанных с отдельными логиками ситуативных полемических контекстов, что в большей степени соответствует программе Скиннера.

Применение оптики Тейлора к интеллектуальной истории русской религиозной философии предполагает, таким образом, рассмотрение не только внешнего влияния секуляризации как социального процесса, что важно, но и концептуальных отношений предлагаемых русскими религиозными мыслителями теоретико-философских моделей с моделями тех секулярных логик, которые они критиковали, поддерживали или переосмыслили. Поскольку поле теоретической философии в рамках интеллектуальной истории будет описываться как практикуемые философами способы мышления, реконструкция того, что русские религиозные философы *делали* своей философией в полемических контекстах секуляризации в теоретическом аспекте, будет осуществляться как описание их работы с теми или иными секулярными способами мышления – в том числе во взаимосвязи теоретического мышления и способов жить.

Учет этих сторон мы находим, в частности, у К.М. Антонова, выявляющего как внешнее влияние секуляризации на русскую религиозную философию, так и связь последней с «субъективным» уровнем мышления интеллектуалов прошлого<sup>33</sup>. Хотя Антонов не опирается на Скиннера, его подход в целом оказывается близок общей концептуальной рамке, предполагаемой кембриджской методологией и ее рецепцией у историков философии. Эксплицитные же ссылки на Скиннера и использование терминологии теории

<sup>31</sup> См.: Тейлор Ч. Секулярный век. М., 2017.

<sup>32</sup> Подробнее см.: Павлов И.И. Влияние секулярных и антисекулярных аспектов «нового религиозного сознания» на становление метафизики Н.А. Бердяева. Дис. ... к.филос.н. М., 2021. С. 91–98.

<sup>33</sup> Антонов К.М. «Как возможна религия?». С. 11–78.



речевых актов можно встретить у другого современного исследователя русской религиозной философии в контексте секуляризации – А.П. Соловьева<sup>34</sup>. Признавая значимость и подхода Соловьева в целом, и его исследований конкретных сюжетов, и замечаний о конфессионализации, культур-критике и компенсации модерна, следует тем не менее оговорить два момента, логически связанных между собой.

Во-первых, Соловьев применяет термины Остина для характеристики корпуса текстов русской религиозной философии в целом<sup>35</sup>. Теория Остина, однако, предполагает разговор о перлокутивной и тем более иллокутивной силе только конкретных высказываний<sup>36</sup> – что логично, поскольку обладающими намерением агентами речевых актов выступают все-таки отдельные люди, а не большие дискурсы. То есть в нашем случае речь будет идти о конкретных текстах (статьях, рецензиях, письмах, выступлениях на заседаниях обществ, философских трактатах и т.д.) конкретных авторов как действиях, совершаемых во вполне конкретных, ситуативных полемических контекстах, через которые авторские намерения и восстанавливаются.

Во-вторых, оптика Соловьева тяготеет к объяснению русской религиозной философии исключительно из внешнего ей социального контекста (например, модернизации и ее компенсации) в ущерб понимающей установке<sup>37</sup>. Это тяготение вполне понятно в связи с желанием Соловьева занять ту критическую дистанцию по отношению к языку самоописания русской религиозной мысли, к которой призывает Н.С. Плотников<sup>38</sup>, – но, как ясно из вышеизложенного, подобная дистанция может практиковаться и без склонения в сторону критикуемого кембриджской школой социологизма, полностью исключающего понимающий подход. Собственно, именно благодаря вниманию к уровню намерений и «субъективных» смыслов интеллектуальный историк может исследовательски работать с религиозной составляющей мышления русских религиозных философов, не редуцируя ее к имманентным процессам модернизации, ее компенсации и т.п., – и при этом не воспринимать ни само это мышление, ни связанные с ним понятия и идеи как нечто самоочевидное. Такой ракурс позволяет понимать исследовательскую программу интеллектуальной истории как теоретическую рамку, в которой ученые, придерживающиеся самых разных мировоззренческих позиций относительно религии в целом и русской религиозной философии в частности, могли бы работать сообща и использовать результаты друг друга – что стало бы плодотворной альтернативой той ситуации, которую заслуженно критикует Сидорин.

Исследования А.П. Соловьева крайне важны для прояснения значимых аспектов темы, но все же не могут считаться окончательным научным

---

<sup>34</sup> Соловьев А.П. Философское «поле» конфессионализации в России: русская религиозная философия XIX в. между «официальной» церковностью и политическими теологиями // Отечественная философия / National Philosophy. 2023. Т. 1. № 1. С. 20–22.

<sup>35</sup> Там же. С. 21.

<sup>36</sup> Ср.: Остин Д. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Д. Избранное. М., 1999. С. 87–93. В устной дискуссии (2023) А.П. Соловьев уточнил, что его интересуют скорее дискурсы по Дж. Пококу, чем классические речевые акты.

<sup>37</sup> Ср.: Соловьев А.П. Русская религиозная философия XIX – первой половины XX вв. в контексте истории религии: от религиозной конверсии к культур-критике и конфессионализации // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 1 (13). С. 118–134.

<sup>38</sup> Соловьев А.П. Философское «поле» конфессионализации в России. С. 19–20.

объяснением феномена русской религиозной философии. Более того: подход Скиннера и его опора на позднего Витгенштейна подталкивают нас к тому, чтобы в меньшей степени пытаться дать объяснение русской религиозной философии как единой вещи и в большей – рассматривать конкретные интеллектуально-исторические сюжеты. В этом случае ответом на вопрос: «Так что же такое русская религиозная философия?» – будет скорее указание на исследуемые сюжеты со словами: «Вот это и подобное ему и называют русской религиозной философией»<sup>39</sup>.

Смысл же замечаний об отличиях предлагаемого подхода от исследовательских программ Плотникова и Соловьева заключается не в том, чтобы представить этот подход как безальтернативный – что было бы странным для оптики, учитывающей наблюдения Люббе и Сидорина, – но в обосновании возможности такого ракурса рассмотрения, который был бы чувствителен равно как к «субъективному» уровню мышления и намерений русских религиозных философов, так и к внешним этому уровню контекстам. Существовая с другими программами, такой подход может опираться в том числе на полученные в их рамках результаты.

## Список литературы

- Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
- Антонов К.М. Актуализация через деструкцию: традиция и новизна в русской религиозной философии XIX–XX веков // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 8–33.
- Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Языковой реализм и два вида интеллектуальной истории // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 281–301.
- Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем. Е.В. Борисова. М.: Канон+, 2011.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
- Власова О.А. Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 105–114.
- Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Эксмо-пресс, 2001.
- Камнев В.М., Камнева Л.С. Религиозное и секулярное в русской философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1 (32). С. 13–20.
- Куренной В.А. История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 197–239.
- Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 209–236.
- Люббе Г. Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия / Пер. с нем. О. Кильдюшова // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 240–256.
- Остин Д. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Д. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.

<sup>39</sup> Ср.: Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 112–113.

- Павлов И.И. Влияние секулярных и антисекулярных аспектов «нового религиозного сознания» на становление метафизики Н.А. Бердяева. Дис. ... к.филос.н. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Павлов И.И. Эпистолярный архив Н.А. Бердяева: личность философа в интеллектуальной истории (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 137–147.
- Плотников Н.С. Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории (введение) // Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология / Под ред. Н.С. Плотникова и С.В. Киришбаум. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 11–43.
- Плотников Н.С. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. С. 98–104.
- Плотников Н.С. Язык русской философской традиции. «История понятий» как форма исторической и философской рефлексии // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 71–88.
- Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte / Пер. с англ. А. Логутова // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 347–380.
- Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / Пер. с англ. И.Д. Джохадзе // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. С. 180–198.
- Сидорин В.В. К преодолению разрывов: отечественное философское наследие в современном контексте // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–40.
- Сидорин В.В. Отечественная историография русской философии на рубеже веков: проблемы и перспективы. Размышления о книге Алиссы ДеБласио «The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century» // История философии / History of Philosophy. 2016. Т. 21. № 1. С. 160–167.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / Пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
- Скиннер К. Ответ моим критикам / Пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 249–346.
- Соловьев А.П. Русская религиозная философия XIX – первой половины XX вв. в контексте истории религии: от религиозной конверсии к культур-критике и конфессионализации // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 1 (13). С. 118–134.
- Соловьев А.П. Философское «поле» конфессионализации в России: русская религиозная философия XIX в. между «официальной» церковностью и политическими теологиями // Отечественная философия / National Philosophy. 2023. Т. 1. № 1. С. 5–27.
- Столярова О.Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73–83.
- Тейлор Ч. Секулярный век / Пер. с англ. А. Васильева, Л. Колкера и А. Лукьянова; под ред. А. Бодрова. М.: ББИ, 2017.
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж: [Б.и.], 1937.
- Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетея, 1994.
- Шнем Г.Г. Очерк развития русской философии. Т. I. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
- Catana L. The Historiographical Concept «System of Philosophy»: Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy. Leiden: Brill, 2008.
- DeBlasio A. The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- Hunter I. The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher // Modern Intellectual History. 2007. No. 4. P. 571–600.
- Hutton S. Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. No. 7. P. 925–937.

White H.V. The Tasks of Intellectual History // *The Monist*. 1969. Vol. 53. No. 4. P. 606–630.  
 Zweerde E. van der. On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture // *Transcultural Studies*. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 63–92.

## Russian religious philosophy in the optics of intellectual history\*

**Ilia I. Pavlov**

HSE University. 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation;  
 e-mail: elijahpavloff@yandex.ru

The article focuses on discussing a methodology for the study of Russian religious philosophy in the conditions of the linguistic and corporate divide between the history of Russian thought and contemporary philosophy. Describing this divide, V. Sidorin emphasizes that historians can distance themselves from their subjects without resorting to overly negative evaluations of the Russian philosophical tradition, including its religious dimension. The analysis of Russian religious philosophy, informed by Sidorin's insights, can be implemented within the theoretical framework proposed by Cambridge school of intellectual history. This approach advocates for a reading of texts as actions guided by several principles: the reconstruction of polemical contexts and authors' intentions (Q. Skinner); an avoidance of disciplinary evaluations (R. Rorty), presentism (S. Hutton), and historiography of philosophy as merely a history of systems (L. Catana); an emphasis on the philosopher's personality, their thinking and ways of live (I. Hunter, O. Vlasova); and an examination of semantic fluidity and the polemical redefinition of concepts (H. Lübbe). The proposed methodology, grounded in the late Wittgenstein's philosophy of language, diverges from N. Plotnikov's normative and disciplinary approach, which is based on the German history of concepts criticized by Skinner. Furthermore, as demonstrated by Ch. Taylor's theory of secularization and K. Antonov's research on Russian philosophy, secularization as a polemical context of Russian religious philosophy can be explored without disregarding the "subjective" dimensions of thought and meaning, which are reconstructed through a focus on authors' intentions and the multiplicity of polemical situations.

**Keywords:** Russian religious philosophy, intellectual history, history of concepts, Cambridge school, Q. Skinner, secularization, the corporate divide

**For citation:** Pavlov, I.I. "Russkaya religioznaya filosofiya v optike intellektual'noi istorii" [Russian religious philosophy in the optics of intellectual history], *Filosofskii zhurnal / Philosophical Journal*, 2025, Vol. 18, No. 1, pp. 39–52. (In Russian)

## References

- Antonov, K.M. "Aktualizatsiya cherez destruktivnyy: traditsiya i novizna v russkoi religioznoi filosofii XIX–XX vekov" [Actualization Through Destruction: Tradition and Novelty in 19<sup>th</sup> and 20<sup>th</sup> Century's Russian Religious Philosophy], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2023, No. 3, pp. 8–33. (In Russian)
- Antonov, K.M. "Kak vozmozhna religiya?": *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoi religioznoi mysli XIX–XX vekov* ['How Is Religion Possible?' Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought in 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Centuries], Vol. 1. Moscow: St. Tikhon University Publ., 2020. (In Russian)

\* The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

- Atnashev, T.M. & Velizhev, M.B. "Yazykovoi realizm i dva vida intellektual'noi istorii" [Linguistic Realism and Two Types of Intellectual History], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022, No. 6, pp. 281–301. (In Russian)
- Austin, J. "Kak sovershat' deistviya pri pomoshchi slov?" [How to Do Things with Words], in: J. Austin, *Izbrannoe* [Selected Papers], transl. by L.B. Makeeva, V.P. Rudnev. Moscow: Ideya-Press Publ.; Dom Intellektual'noi Knigi Publ., 1999, pp. 13–138. (In Russian)
- Betti, E. *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as a General Methodology of the Sciences of the Spirit], transl. by E.V. Borisov. Moscow: Kanon+ Publ., 2011. (In Russian)
- Catana, L. *The Historiographical Concept 'System of Philosophy': Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy*. Leiden: Brill, 2008.
- DeBlasio, A. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- Florovskii, G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Paris, 1937. (In Russian)
- Hunter, I. "The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher", *Modern Intellectual History*, 2007, No. 4, pp. 571–600.
- Hutton, S. "Intellectual History and the History of Philosophy", *History of European Ideas*, 2014, Vol. 40, No. 7, pp. 925–937.
- Kamnev, V.M. & Kamneva, L.S. "Religioznoe i sekulyarnoe v russkoj filosofii" [Religious and Secular in Russian Philosophy], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Seriya 17: Filosofiya, Konfliktologiya, Kul'turologiya, Religiovedenie*, 2016, No. 1 (32), pp. 13–20. (In Russian)
- Khoruzhii, S.S. *Posle pereryva. Puti russkoj filosofii* [After the Break. Ways of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1994. (In Russian)
- Kurennoi, V.A. "Istoriya filosofskoi istorii ponyatii: predislovie k perevodu G. Lyubbe" [The History of the Philosophical History of Concepts: A Preface to the Translation of H. Lübbe], *Sotsiologiya vlasti*, 2017, Vol. 29, No. 4, pp. 197–239. (In Russian)
- Losev, A.F. "Russkaya filosofiya" [Russian Philosophy], in: A.F. Losev, *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 209–236. (In Russian)
- Lübbe, H. "Byt' i imenovat'sya. Istoriya znacheniya kak pole politicheskogo yazykovogo deistviya" [To Be and To Be Named. The History of Meaning as a Field of Political Linguistic Action], transl. by O. Kil'dyushov, *Sotsiologiya vlasti*, 2017, Vol. 29, No. 4, pp. 240–256. (In Russian)
- Pavlov, I.I. "Epistolyarnyi arkhiv N.A. Berdyaeva: lichnost' filosafo v intellektual'noi istorii (razmyshlenie nad knigoi)" [N.A. Berdyaev's Epistolary Archive: The Persona of the Philosopher in Intellectual History (Reflections on Book)], *Voprosy filosofii*, 2024, No. 4, pp. 137–147. (In Russian)
- Pavlov, I.I. *Vliyanie sekulyarnykh i antisekulyarnykh aspektov 'novogo religioznogo soznaniya' na stanovlenie metafiziki N.A. Berdyaeva* [The Influence of Secular and Anti-Secular Dimensions of the 'New Religious Consciousness' on the Formation of N. Berdyaev's Metaphysics], Diss. Moscow: HSE University, 2021. (In Russian)
- Plotnikov, N.S. "Diskursy svobody v rossiiskoi intellektual'noi istorii (vvvedenie)" [Discourses of Freedom in Russian Intellectual History (An Introduction)], *Diskursy svobody v rossiiskoi intellektual'noi istorii. Antologiya* [Discourses of Freedom in Russian Intellectual History. Anthology], ed. by N.S. Plotnikov and S.V. Kirshbaum. Moscow: NLO Publ., 2020, pp. 11–43. (In Russian)
- Plotnikov, N.S. "Filosofiya dlya vnutrennego upotrebleniya" [Philosophy for Internal Use], *Neprikosnovennyi zapas*, 2002, No. 2, pp. 98–104. (In Russian)
- Plotnikov, N.S. "Yazyk russkoj filosofskoi traditsii. 'Istoriya ponyatii' kak forma istoricheskoi i filosofskoi refleksii" [The Language of the Russian Philosophical Tradition. 'The History of Concept' as a Form of Historical and Philosophical Reflection], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, No. 102, pp. 71–88. (In Russian)
- Richter, M. "Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte" [Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte], transl. by A. Logutov, *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*

- [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], ed. by T. Atnashev and M. Velizhev. Moscow: NLO Publ., 2018, pp. 347–380. (In Russian)
- Rorty, R. “Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra” [The Historiography of Philosophy: Four Genres], transl. by I.D. Dzhokhadze, in: I.D. Dzhokhadze, *Neopragmatizm Richarda Rorti* [Richard Rorty’s Neopragmatism]. Moscow: URSS Publ., 2001, pp. 180–198. (In Russian)
- Shpet, G.G. *Ocherk razvitiya russkoi filosofii* [An Essay on the Development of Russian Philosophy], Vol. I. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. (In Russian)
- Sidorin, V.V. “K preodoleniyu razryvov: otechestvennoe filosofskoe nasledie v sovremennom kontekste” [On the Way to Overcoming the Gaps: National Philosophical Heritage in the Modern Context], *Filosofskii Zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 34–40. (In Russian)
- Sidorin, V.V. “Otechestvennaya istoriografiya russkoi filosofii na rubezhe vekov: problemy i perspektivy. Razmyshleniya o knige Alissy DeBlasio ‘The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century’” [Russian Historiography of Russian Philosophy at the Turn of the Century: Problems and Prospects. Reflections on Alyssa DeBlasio’s Book ‘The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21<sup>st</sup> Century’], *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2016, Vol. 21, No. 1, pp. 160–167. (In Russian)
- Skinner, Q. “Otvét moim kritikam” [A Reply to My Critics], transl. by T. Pirusskaya, *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual’noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], ed. by T. Atnashev and M. Velizhev. Moscow: NLO Publ., 2018, pp. 249–346. (In Russian)
- Skinner, Q. “Znachenie i ponimanie v istorii idei” [Meaning and Understanding in the History of Ideas], transl. by T. Pirusskaya, *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual’noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], ed. by T. Atnashev and M. Velizhev. Moscow: NLO Publ., 2018, pp. 53–122. (In Russian)
- Solovyov, A.P. “Filosofskoe ‘pole’ konfessionalizatsii v Rossii: russkaya religioznaya filosofiya XIX v. mezhdú ‘ofitsial’noi’ tserkovnost’yu i politicheskimi teologiyami” [Philosophical ‘Field’ of Confessionalization in Russia: Russian Religious Philosophy of the 19<sup>th</sup> Century Between ‘Official’ Ecclesiality and Political Theologies], *Otechestvennaya filosofiya / National Philosophy*, 2023, Vol. 1, No. 1, pp. 5–27. (In Russian)
- Solovyov, A.P. “Russkaya religioznaya filosofiya XIX – pervoi poloviny XX vv. v kontekste istorii religii: ot religioznoi konversii k kul’tur-kritike i konfessionalizatsii” [Russian Religious Philosophy of the 19<sup>th</sup> – First Half of the 20<sup>th</sup> Centuries in the Context of History of Religion: From Religious Conversion to Cultural Criticism and Confessionalization], *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii*, 2022, No. 1 (13), pp. 118–134. (In Russian)
- Stoliarova, O.E. “Istoriya i filosofiya nauki versus STS” [History and Philosophy of Science versus Science and Technology Studies], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 7, pp. 73–83. (In Russian)
- Taylor, Ch. *Sekulyarnyi vek* [A Secular Age], transl. by A. Vasil’ev, L. Kolker, and A. Luk’yanov; ed. by A. Bodrov. Moscow: The Biblical and Theological Institute Publ., 2017. (In Russian)
- Vlasova, O.A. “Intellektual’naya istoriya kak pole metodologicheskogo samosoznaniya istorikov filosofii” [Intellectual History as a Field of Methodological Self-Consciousness of Historians of Philosophy], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya*, 2020, No. 54, pp. 105–114. (In Russian)
- Whatmore, R. *Chto takoe intellektual’naya istoriya?* [What Is Intellectual History?], transl. by N. Edel’man. Moscow: NLO Publ., 2023. (In Russian)
- White, H.V. “The Tasks of Intellectual History”, *The Monist*, 1969, Vol. 53, No. 4, pp. 606–630.
- Wittgenstein, L. “Filosofskie issledovaniya” [Philosophical Investigations], in: L. Wittgenstein, *Filosofskie raboty* [Philosophical Works], Pt. 1, transl. by M. Kozlova and Yu. Aseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 75–319. (In Russian)
- Zen’kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Kharkiv: Folio Publ.; Moscow: Eksmo Publ., 2001. (In Russian)
- Zweerde, E. van der. “On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture”, *Transcultural Studies*, 2014, Vol. 10, No. 1, pp. 63–92.